

Но его мать была доброй, пока не сердилась.

Киндзё молился, чтобы никогда не рассердить мать Изуми.

"Я просто возьму папины вещи и пойду тренироваться с Киндзё!" крикнула Изуми, убегая в свою комнату.

"Хочешь печенье?" спросила мама Изуми, доставая из кухонного шкафа контейнер. "Я испекла их вчера".

"Конечно, спасибо".

Он милостиво принял три печенья с матакой и с наслаждением прожевал их. "Они вкусные, мэм".

"Приятно слышать. Я боялась, что Изуми съест все сама, но, к счастью, вы зашли". Она села на один из стульев в столовой и жестом пригласила его сесть на диван. "Она ведь не избила тебя, правда?"

"Э-э..." Мысли предали его, и в голове всплыли образы его лучшего изображения человеческой тряпичной куклы. "Нет?"

Мать Изуми вздохнула. "Эта девочка... Временами она слишком перевозбуждается. Мне жаль, если она причинила тебе боль".

"Все в порядке. Я привыкла к ней".

"А зря". Она недовольно нахмурилась. "Клянусь, она слишком похожа на своего отца".

Он перестал есть и посмотрел на нее, его глаза расширились от этого замечания. "Она..."

"Она смотрит на фотографии своего отца. Он умер два года назад, когда выполнял свои обязанности шиноби". Ее тон был довольно монотонным и бесстрастным при упоминании о погибшем муже.

Киндзё нахмурил брови, положив на стол последнее печенье. "Что-то случилось, госпожа?"

"Ничего. Просто дайте моей дочери несколько минут, и она выйдет".

Вместо того чтобы расспрашивать дальше, он медленно съел последнее печенье, когда в комнате воцарилась тяжелая тишина.

"Я вернулась!" объявила Идзуми, распахнув дверь в свою комнату и выйдя к ним. В руках у нее был небольшой мешочек с кунаями и сюрикенами, а также танто. "О чем вы говорили?"

"Мы просто ждали тебя, милая. Убедись, что тренировки прошли благополучно, и возвращайся домой до шести".

"Конечно, мама! Давай, Киндзё, пойдем!" Идзуми практически тащила Киндзё за собой, не сводя глаз с матери.

Что-то было не так, но разве он вправе спрашивать?

Киндзё метнул кунай в сторону цели, пальцы слегка сжали нижнюю половину и отпустили ее с минимальным сопротивлением. Кунай несколько раз крутанулся и отскочил от руки деревянного манекена.

Тренировочный полигон находился всего в нескольких минутах ходьбы от квартиры Изуми, и оба они с переменным успехом тренировали свои кендзюцу. К счастью, по периметру полигона стояли голые деревянные стены, не позволявшие разлетающимся снарядам задеть прохожего.

"Так-то лучше! Целься в тело, ведь это самая большая мишень на человеке", - посоветовала Изуми.

Еще один щелчок. На этот раз кунай прокрутился всего три раза, прежде чем вонзиться в живот манекена.

Идзуми усмехнулся и похлопал Киндзё по плечу. "Отлично!"

"По крайней мере, с этим я справляюсь лучше, чем с танто". Киндзё поморщился, вспомнив свою неудачную попытку замахнуть танто. В результате был частично разрушен забор, порезан бонсай и отруган чуунин за неосторожный взмах.

"А теперь посмотри, как я бросаю кунай. Мне кажется, ты слишком сильно используешь руки при броске. Ты должен только щелкать запястьем с небольшим всплеском чакры. Тогда кунай будет лететь прямо и быстро".

Она сделала несколько шагов назад от позиции Киндзё и, превратившись в пятно, выпустила кунай прямо в голову манекена.

"Можешь сделать это немного медленнее?"

"Конечно?" Идзуми пожала плечами. Она медленно развернулась, бросая кунай с минимальным использованием доминирующей левой руки.

Он приземлился на шею цели.

"Так, кажется, я поняла". Киндзё скопировал ее движения правой рукой и запустил кунай прямо в живот. Еще одна попытка привела к удару в плечи.

"Давай еще немного потренируемся, а потом пойдем ко мне домой и поедим!"

Он почти без раздумий согласился, но тут же покачал головой. "Думаю, после этого я пойду домой. Мне нужно... помочь родителям с несколькими поручениями".

"О." Она с досадой посмотрела на землю. "Хорошо. Моя мама готовит тонкацу, и это очень вкусно! Может, ты останешься ненадолго?"

"Может быть, в следующий раз. Кстати... твоя мама уже упоминала твоего отца".

Изуми напряглась. "Правда?"

"Да".

"Она рассказывала тебе о... ну, ты знаешь".

"Он умер во время Атаки?" закончил Киндзё.

"Теперь ты знаешь". Она подхватила кунай и бросила его, ударив манекен в ногу. "Она, наверное, сказала тебе, что я рассматривала его фотографии, пока ты ждал".

"Так и есть".

Идзуми глубоко вздохнула и неуверенно села на землю. "Мой отец умер героем. Он погиб, сражаясь с Девятихвостыми и защищая деревню. Ему не нужно было быть там, но он был там. Он хотел защитить деревню, поэтому погиб, сражаясь".

"Я... Я был рядом с Девятихвостым, когда он напал, и мой отец увидел меня. Он бросился спасать меня во время боя и погиб. Тогда я и получил свой Шаринган".

Киндзё несколько мгновений молчал, прежде чем заговорить. "Прости... за то, что спросил. И за то, что твой отец умер".

"Все в порядке. Ты мой друг, поэтому должна знать". Изуми храбро улыбнулась. "Именно из-за него я хочу стать великим шиноби".

Из ее глаз потекли слезы, и Киндзё нежно обнял ее сзади. Он погладил ее по голове, когда она захныкала. "Он бы гордился тобой".

Обнимая ее, он думал о том, почему мать Идзуми так отреагировала на упоминание об отце Идзуми. Была ли какая-то проблема в их браке до его смерти? Или что-то упущено из воспоминаний Идзуми?

Что бы это ни было, он надеялся, что это не поставит под угрозу отношения между ними.

Эти моменты давали ему стимул продолжать работу. Он никогда не сможет быть правдивым с окружающими его людьми, но, возможно, это и к лучшему. Использование его метазнаний для изменения окружающего мира поможет людям.

По крайней мере, так он говорил себе.

<http://tl.rulate.ru/book/104195/3661951>